

Миметическая природа власти и насилия в философии Р. Жирара и М. Фуко

Дарья Курачинская, студент, Белорусский государственный университет
(Минск), daria.kurachinskaya@gmail.com

Целью статьи является историко-философская реконструкция концепции миметической власти и насилия в современной французской философии (Р. Жирар, М. Фуко). Эксплицируется корреляция концепций миметического желания Р. Жирара и новой «анатомии» власти М. Фуко на основании миметической природы желания и власти. Через концепцию «жертвенного кризиса» Р. Жирар рассматривает вопрос о выведении насильственных миазмов за пределы коллектива ввиду процесса унификации культур и делает вывод о невозможности его разрешить в стандартизированном массовом обществе. М. Фуко актуализирует иной аспект в монолитности насилия: как диспозиция власть-насилие разворачивается в обществе, внедряясь в социально-общественные институты. Реконструкция и анализ концепций позволили сделать вывод: идея-монада «власть-насилие» в концепции жертвенного кризиса Р. Жирара и концепции биовласти М. Фуко характеризуется миметической природой. Многосторонний феномен насилия необходимо исследовать путем экспликации разных концепций: от проблематизации вывода насилия за пределы коллектива до механизма диспозиции отношений власти-насилия. Данная статья позволит расширить знания по проблематике насилия и наметить возможные пути разрешения конфликтов, минимизации насилия на уровне общественных и международных отношений.

Ключевые слова: Р. Жирар, М. Фуко, насилие, власть, мимесис, кризис жертвоприношения, новая «анатомия» власти

Для цитирования: Курачинская Д.С. Миметическая природа власти и насилия в философии Р. Жирара и М. Фуко // Метаморфозис. 2024. Т. 8. № 3. С. 26-36.

Тотальность насилия: от миметического желания к миметической власти

В этой части статьи анализируется проблематика сущности и истоков насилия, его проявления и механизмы распространения. Используя концепт «миметического желания», автор проводит параллели между антропологической теорией Р. Жирара и теорией «анатомии власти» М. Фуко. Философы эксплицируют специфику явления насилия, используя различную методологию и задают собственный ракурс в понимании насилия.

Французский философ Рене Жирар предлагает социально-антропологический проект, в рамках которого проблематизирует концепцию «миметического насилия», базирующуюся на миметичности желания. Он выявляет миметическую природу насилия, исходя из методологии социальной антропологии. Каждый раз насилие обретает новые способы выражения, однако его суть остается прежней. Заражение, происходящее от насильственного акта, распространяется на окружающие предметы, людей; тем самым несет пагубное воздействие в общественные сферы жизни. «Человек повесился; его труп нечист, но нечисты и веревка, которой он воспользовался, дерево, к которому привязана веревка, почва вокруг дерева; нечистота убывает по мере удаление от трупа»¹.

Р. Жирар формулирует собственное прочтение культуры через призму концепции мимесиса как шизофренического пе-

ретекания соперничающих желаний. Миметическое желание нацелено на желание, которое уже является миметическим. Синтез желаний продуцирует антагонистические отношения, члены которых будут пытаться выявить различия. В каждый момент мимесис порождает новую взаимность, постоянно удваивая те же самые уловки, те же самые стратегии, те же эффекты зеркала².

Каждый, кто подражает иному человеческому «Я» (образ подражаемого), сталкивается с преградой, выстраиваемой в процессе рассмотрения образца желания. Double bind³, или двойной зажим, позволяет внедриться

¹ Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 39.

² Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира / Пер. с фр. А.В. Лукьянова, О. Хмелевской. М.: Издательство ББИ, 2016. С. 201.

³ Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обо-

насилию уже в ранние годы. Указания («подражай мне», «мне известен подлинный смысл жизни» и так далее), принадлежащие к разным уровням коммуникации, подвергают человека заразному свойству желания.

Миметическое желание вырождается в соперничество между оппонентами за человеческое «бытие», привлекая насилие – эффективный инструмент в борьбе. Парадокс насилия заключается в двойной роли: как инструмент и как собственно «бытие». Желание и насилие неразрывно связаны. «Желание следует за насилием, как тень, именно потому, что насилие означает бытие и божественность»⁴.

Правомерно утверждать примат желания в устройстве человеческого «бытия». Амбивалентная трансгрессия миметического желания позволяет механизму насилия функционировать автоматически. Прямо пропорциональная зависимость между желанием и насилием указывает не на «неис требимость» насилия, а на его эскалацию.

Миметическое соперничество – главный источник миметического насилия, позволяющий оппонентам дискредитировать друг друга. Ресентимент, зависть, ревность уподобляют вожделеющих друг другу, стирая действительные различия между ними. Подражая истинному Богу, мы подражаем образцам независимости и неуязвимости, отнюдь не приобретая упомянутые качества. Однако валидно и обратное: миметическое желание является благом по своей сути. Миметичность желания предоставляет человеку свободу и человечность. «Если бы наши желания не были миметичными, они навсегда бы зафиксировались на predetermined объектах, они были бы особой формой инстинкта»⁵.

«Миметический цикл», сконструированный Р. Жираном, эксплицируется на страницах Евангелия через фигуру Сатаны. Обращение к концептуальному персонажу демонстрирует радикальный характер миметического насилия. Следовательно, необходимо исследовать полярные примеры, чтобы более полно раскрыть концепцию миметического желания. Демифологизация Писания привела к забвению суждений о ранее упомянутом персонаже. Сатана, как и Иисус, ищет подражателей, но иного рода и на других основаниях. Сатана-обольститель – он хочет прельстить, предлагая себя в качестве образца желания. Подражать Сатане – значит отдаться склонностям и порокам, пренебрегая моралью и ее законами. «Сперва почувствуешь себя свободным, однако это впечатление продлится недолго, ибо все то, что поощряет конфликтный миметизм, быстро отнимается»⁶.

Препятствуя разрушению собственного царства, Сатана продуцирует

зрение, 2000. С. 181.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Жиран Р. Я вижу Сатану, падающего как молния / Пер. с фр. А.В. Лукьянова, О. Хмелевской. М.: Издательство ББИ, 2015. С. 22.

⁶ Там же. С. 40.

из хаоса средство для изгнания самого себя. Беспорядок изгоняет беспорядок – вот экстраординарная сила, дающая возможность Сатане занимать трон царствования. Обоснованным будет постулирование миметического «все против одного» как дела Сатаны. «Миметический цикл начинается желанием и соперничествами, продолжается умножением скандалов и миметическим кризисом, разрешается в механизме жертвоприношения»⁷.

Правомерно утверждать саморазвивающийся механизм мимесиса желания на примере библейских сюжетов, в частности на фигуре Сатаны. Следует подчеркнуть архаический характер подражания и его метаморфозы в современной антропологической парадигме.

Считаем правомерным и обоснованным ввести новый термин, применимый к Сатане – Сатана-раздражитель. Сформулированное мною понятие выведено из функциональной природы фигуры и разворачивающейся сюжетной линии на страницах Библии. Сатана-раздражитель подрывает благополучие и стабильность внутри общества, тем самым приумножая агрессию между субъектами. Аккумуляция агрессии трансформируется в десубъективный пласт насилия, предтечей которого является ресентимент. Враждующая конъюнктура подвержена все более мелкому дроблению, результат которого приводит к «борьбе всех против всех». Установление границ необходимо для регуляции миметического желания, как предтечи насилия. Р. Жирар полагает, что институт жертвоприношения является эффективным инструментом профилактики насилия. Однако данный механизм функционировал результативно до наступления «жертвенного кризиса», который привел к нивелированию института жертвоприношения. Мимесис желания продуцирует пароксизм соперничества – насилие как марионетка власти.

Мишель Фуко, претенциозный французский мыслитель, в своих работах демонстрирует диктаторский характер власти в современном обществе. Философ формулирует концепцию «микрофизики» власти, в которой отражаются особенности уголовного права, сочетающегося с научным знанием. Он раскрывает собственное понимание феномена власти, которая является не достоянием, а техникой, тактикой, стратегией. Философа интересует проблема свободы личности. Исходя из этого, М. Фуко исследует генеалогию власти в научно-судебном единстве, объясняет ее трансформацию и демонстрирует появление души в дисциплинарной власти.

В своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко указывает на механизм новой власти судить душу, формулируя обоснования и правила, благодаря которым власть расширяет поле воздействия и маскирует свою многовекторность. Диспозиция власти приумножает неосознаваемых участников в процессе отправления власти за счет функционального аппарата. Увеличение «жертв» отражает миметический характер

⁷ Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего как молния / Пер. с фр. А.В. Лукьянова, О. Хмелевской. М.: Издательство ББИ, 2015. С. 45.

власти. Эксплицируя феномен власти, целесообразным будет выявление ее «анатомии». Генеалогия наказания транслирует двойственный процесс: исчезновение зрелища и упразднение боли. Конец XVIII – начало XIX столетия знаменуется угасанием карательного празднества. Наказание как театр нивелируется. Публичная казнь теряет своего зрителя и представляется в качестве скрытой части уголовной процедуры. Правомерно констатировать следствия функционирования наказания: власть покидает повседневное восприятие и попадает в абстрактную область сознания; наказание становится неотвратимым, тем самым оно должно отвращать от преступления. Таким образом, правосудие публично больше не берет на себя ответственность за насилие, связанное с его отправлением⁸.

Судебную пытку правомерно понимать как политический церемониал, в ходе которого восстанавливается нарушенная власть суверена. Цель казни – продемонстрировать субординацию между подданным и государем. Уничтожение преступника подразумевает триумф обладателя власти. Стоит подчеркнуть, что публичная казнь характеризуется вакханальностью, отменяя наказуемое. «Карнавальная сторона казни: роли меняются, власти осмеиваются, преступники превращаются в героев»⁹. Вакханалия, присущая празднику, рассматривается Р. Жираром, как сублимация всех согрешений, витающего в воздухе насилия общества. И именно в жираровском прочтении, вакханалия демонстрирует стирание границ, провозглашая унификацию индивидов.

Упразднение физического наказания привело к «суду души». «Душа есть следствие и инструмент политической анатомии»¹⁰. Реализуется принцип замены объектов. Судят не только само преступление, но и стоящие за ним тени инстинктов, страстей, привычек, влечений.

Преобразованием души индивида и его поведения занимается тюрьма как форма отправления наказания в системе гражданского права. Заключенный является не только частью пенитенциарного механизма, но также подвержен преобразовательным техникам, затрагивающие мысли. «Тюрьма, являющаяся административным аппаратом, должна быть в то же время машиной по изменению сознания»¹¹.

Резонно говорить, что тюрьма становится обсерваторией порочности преступника, представляет аппарат познания. Осуществляется объективация индивида – мишень власти. Власть реализуется через тотальный контроль и надзор по принципам жесткой дисциплины. Последняя требует распределения индивидов в пространстве, следуя методам: отгораживания;

⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. С. 14.

⁹ Там же. С. 76.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. С. 155.

сегментирования и размещения по клеткам; классификации и ранжирования. «Методика, нацеленная на познание, завладение и использование; дисциплина организует аналитическое пространство»¹².

Индивида, как объекта описания и анализа, производит бифуркация тюрьмы – архитектурный образ «паноптикона» Бентама. По периметру учреждения надзора – кольцевое здание, разделенное на камеры, в центральное положение занимает башня с широкими окнами, выходящими на внутреннюю сторону кольца. Камерное наблюдение возможно ввиду наличия двух окон: одно выходит наружу, другое внутрь. Данное расположение окон предоставляет сквозное наблюдение. Диаметрально противоположный принцип надзора характерен для темницы. Однако функция заточения девальвировала другие: лишать света и скрывать. Яркий свет и взгляд надзирателя пленят лучше, чем тьма, которая в конечном счете защищает заключенного. «Видимость – ловушка»¹³.

Паноптизм, призванный расширять и усиливать власть, обладает высшей степенью миметичности из-за имплицитного воздействия не столько на биологическую составляющую индивида, сколько на сознание. Таким образом, «полезный объект» включен в отношения «власть-знание», присущие всякой дисциплине. Нескончаемая муштра, поток знания в виде классификации, детерминации, парализующий круг паноптикона, выражают миметическую природу власти.

Концепция миметического желания Р. Жирара коррелирует с новой «анатомией» власти М. Фуко, реализующейся через отношения «власть-знание» на основании миметической природы желания и власти. Исследование диспозиции феноменов позволяет заключить о монолитности и тотальности насилия. Начиная с биологических инстинктов, выраженных в формах агрессии, желание рассматривается в негативном аспекте. Эскалация желания приводит к пароксизму насилия, устранение которого реализуется с помощью символической формы. Физическое наказание трансформируется в суд души. Насилие внедряется в самые глубины сознания таким образом, что начинает функционировать автономно, сепарируясь от отдельных институтов.

Как миметическое желание, так и миметическая власть лишают индивида субъективности. Новая персона определяется как объект желания, объект знания, объект власти. «Макро- и микрофизика власти сделала возможным не изобретение истории, а органическое вхождение временного, единого, непрерывного, кумулятивного измерения в отправление контроля и практики подчинения»¹⁴. Нарастание «обезличенных» приводит к экс-

¹² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. С. 174.

¹³ Там же. С. 244.

¹⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Мар-

пансии насилия. Поэтому целесообразно утвердить единый вектор развития концепций миметического желания (Р. Жирар) и власти (М. Фуко).

Стоит отметить, что механизм функционирования миметического желания носит межличностный характер, распространяясь не только на живые лица, но и нанеорганические объекты. Иная техника воздействия на тела у власти, которая выстраивает иерархию влияния, облучает одновременно целые группы. «Благодаря методам надзора “физика” власти – господство над телом – осуществляется по законам оптики и механики, по правилам игры пространств, линий, экранов, пучков, степеней и не прибегает к чрезмерности силе и насилию»¹⁵. Правомерно утверждать различные тактики в описании миметической природы насилия через призму его источников (желание, власть).

Фигура жертвы в философии Р. Жирара и М. Фуко

В следующей части статьи эксплицируется сущность и статус жертвы в концепциях Р. Жирара и М. Фуко. Фигура «козла отпущения» в жираровской интерпретации многофункциональна: от профилактики насилия до катарсиса общества от пароксизма. Жертве присущ амбивалентный характер: она одновременно является и сосредоточием насилия, и репрезентантом священного. Невинная жертва-миссионер искупает вину коллектива, отводя миазмы общества за его пределы. Однако актуальная жертва не включена в ритуал изгнания насилия, так как ее замещает потенциальная жертва. «Убивать жертву преступно, поскольку она священна... но жертва не будет священной, если ее не убивать»¹⁶.

Если мы рассматриваем животное в качестве жертвы, дилеммы замещения жертвы не возникает. Однако не стоит забывать о случаях, когда жертва – человек и замещается человеком. Следует отметить, что в качестве жертвы актуальной и потенциальной выступает человек с оговоркой на схожесть.

Принципиально необходимо, чтобы жертва не принадлежала обществу, была репрезентантом маргинальной «стружки». Так как, будучи отшельником, жертва сосредотачивает насилие в себе и устраняет его из общества, выступая в качестве отводного русла. Отреченность от коллектива позволяет избежать нескончаемого процесса мести. Виктимный аппарат характеристик служит для точного выявления жертвы. Таким образом, коррелируя с отношением «власть – знание», в котором индивид выступает объектом фиксации, исследования и учета, детальное знание предоставляет

гинем Пресс, 2021. С. 196.

¹⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. С. 217.

¹⁶ Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 7.

более эффективное функционирование аппарата власти.

Следует отметить корреляцию фигуры козла отпущения с делинквентом (роль которого эксплицирует М. Фуко) на основе функциональной природы фигур: упреждение насилия, исключение его из коллектива. «Делинквентов, это патологическое отклонение в человеческом виде, можно рассматривать как болезненные синдромы или чудовищно уродливые формы»¹⁷.

Жертвой новой «микрофизики» власти является особый правонарушитель – делинквент. Делинквент связан с собственным правонарушением, связанным с характером, наклонностями, инстинктами. «Делинквентов, это патологическое отклонение в человеческом виде, можно рассматривать как болезненные синдромы или чудовищно уродливые формы»¹⁸.

Делинквентность, как форма противозаконности, необходима тюрьме, которая терпит поражение ввиду реализации неизменных пенитенциарных принципов, которые следовало бы трансформировать (тюрьмы не снижают уровень преступности; порождают рецидивизм; поощряют делинквентность и ввергают тем самым семью делинквента в нищету). «Делинквентность – месть тюрьмы правосудию»¹⁹.

Если рассмотреть это явление через призму нормы, а не закона, то делинквент – это амбивалентная фигура, представляющая опасность для общества при порицании власти. Но в то же время она ведет и к поощрению властью за преобразованное продолжение тюремной машины.

Преступник, как амбивалентная фигура, соединяет в себе черты «козла отпущения», праздника и антипраздника, то есть обрядовый церемониал. Наказание в качестве привилегии походило на вакханалию, эксплозию небывалого безумия. «Караван каторжников – хоровод и пляска; но также совокупление, вынужденный брак, когда любовь запрещена»²⁰.

С одной стороны, в теории М. Фуко жертва предстает в лице всего общества, задействованного в механизме дисциплинарной власти. При реализации принципа паноптической власти невозможно искоренение насилия. При таком определении жертв концепции мыслителей полярны. С другой стороны, М. Фуко выдвигает новую фигуру на насильственную доску – делинквента. Он коррелирует с «козлом отпущения», отражая пагубные аспекты и выполняя упреждающую функцию; не позволяет насилию выйти за дозволенные пределы.

Точкой соприкосновения жираровской концепции «жертвенного кризиса» с «анатомией власти» М. Фуко является функциональный арсенал

¹⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. С. 308.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 310.

²⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. С. 316.

«козла отпущения» (высшая прослойка, в частности король, и низшая - военнопленные, рабы, «фармаки») и делинквента, а также маргинальная природа фигур. «Преступление скотоложства порождает чудовищные помеси людей и зверей; в гермафродитизме Тиресия физическая чудовищность уже не отличается от чудовищности моральной»²¹.

Жиравскую «жертву» определяет целое общество по установленным виктимным признакам. В версии М. Фуко жертва также является предметом тщательной обсервации. Прежде чем вколоть вирус насилия, необходимо узнать о природе жертвы. «Таблицы и размещения были средствами и наблюдения, и контроля, и изучения»²².

Заключение

Несмотря на то, что оба философа акцентируют проблему тотальности насилия и преследуют общую цель, они избирают разные стратегии для решения этой проблемы. Р. Жирар через фигуру жертвы предлагает возможный вариант отвода насилия. Источниками интерпретации служат библейские, мифологические сюжеты. М. Фуко демонстрирует тотальность насилия ввиду реализации принципа «паноптического надзора» в разворачивающейся дисциплинарной власти. «Каналом» знания выступают архивные учеты преступлений, казней, тюрьма с ее механизмом функционирования. Следует подчеркнуть, что развитие информационных технологий приводит к более эффективному распространению насилия. Через концепцию «жертвенного кризиса» Р. Жирар объясняет невозможность выведения насильственных миазмов за пределы коллектива ввиду процесса унификации культур.

М. Фуко актуализирует иной аспект в монолитности насилия: как дисциплина власть-насилие разворачивается в обществе, внедряясь в социально-общественные институты (посредством паноптизма).

Кризис жертвоприношения, описываемый Р. Жираром, отражает редукцию самого института жертвоприношения, а также неспособность выявить жертву в унифицированном реальном и виртуальном пространствах. Дисциплинарный кризис, прогнозируемый М. Фуко, отражает трансформацию дисциплинарной власти ввиду технологического прогресса. Кризис диктует новые правила подчинения и надзора. Институт тюрьмы девальвируется, но усовершенствованный принцип паноптика функционирует имплицитно со скоростью тотального закабаления. Оба философа видели опасность в кризисе жертвоприношения и дисциплинарной власти, так как в таких условиях насилие вырывается за дозволенные границы и действует

²¹ Жирар Р. Козел отпущения / Пер. с фр. Г. Дашевского. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. С. 62.

²² Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. С. 67.

эффективнее.

Реконструкция и анализ концепций власти и насилия позволяют сделать следующий вывод: феномен «власть-насилие» в концепции жертвенного кризиса Р. Жирара и концепции биовласти М. Фуко характеризуется миметической природой. Многосторонний феномен насилия необходимо исследовать путем экспликации разных концепций: от проблематизации вывода насилия за пределы коллектива до механизма диспозиции отношений власть-насилия. Полагаем правомерным утверждать, что точки корреляции анализируемых теорий, а также выявление моментов их расхождения позволяют не только расширить знание по данной проблематике, но и наметить возможные пути разрешения конфликтов, поиска способов минимизации насилия в современном мире.

Литература

Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира / Пер. с фр. А.В. Лукьянова, О. Хмелевской. М.: Издательство ББИ, 2016.

Жирар Р. Козел отпущения / Пер. с фр. Г. Дашевского. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010.

Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего как молния / Пер. с фр. А.В. Лукьянова, О. Хмелевской. М.: Издательство ББИ, 2015.

Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021.

References

Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [Surveiller et punir. Naissance de la prison], transl. from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2021 (in Russian).

Sokuler Z.A. *Znanie i vlast': nauka v obshhestve moderna* [Knowledge and power: science in modern society], Saint Petersburg: RHGI Publ., 2001 (in Russian).

Zhirar R. *Veshhi, sokrytye ot sozdanija mira* [Des choses cachées depuis la fondation du monde], transl. from French by A.V. Lukianov, O. Khmelevskaya. Moscow: Izdatel'stvo BBI Publ., 2016 (in Russian).

Zhirar R. *Kozel otpushhenija* [Le bouc émissaire], transl. from French by G. Dashevskiy. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha Publ., 2010 (in Russian).

Zhirar R. *Nasilie i sujashhennoe* [La violence et le sacré], transl. from French by G. Dashevskiy. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000 (in Russian).

Russian).

Zhirar R. *Ja vizhu Satanu, padajushhego kak molnija* [Je vois Satan tomber comme l'éclair], transl. from French by A.V. Lukianov, O. Khmelevskaya. Moscow: Izdatel'stvo BBI Publ., 2015 (in Russian).

The mimetic nature of power and violence in the philosophy of R. Girard and M. Foucault

Daria Kurachinskaya, student, Belarusian State University (Minsk),
daria.kurachinskaya@gmail.com

The purpose of the article is a historical and philosophical reconstruction of the concept of mimetic power and violence in modern French philosophy (R. Girard, M. Foucault). The correlation between the concepts of mimetic desire of R. Girard and the new "anatomy" of power of M. Foucault is explicated based on the mimetic nature of desire and power. Through the concept of the "sacrificial crisis," R. Girard problematized the issue of removing violent miasma beyond the boundaries of the collective due to the process of unification of cultures, making a pessimistic conclusion about the impossibility of resolving it in a standardized mass society. M. Foucault updated another aspect of the monolithic nature of violence: how the disposition of power-violence unfolds in society, taking root in social institutions. Reconstruction and analysis of concepts allowed us to conclude: the idea-monad "power-violence" in the concept of the sacrificial crisis of R. Girard and the concept of biopower by M. Foucault is characterized by a mimetic nature. The multifaceted phenomenon of violence must be explored by explicating different concepts: from problematizing the transfer of violence beyond the boundaries of the collective to the mechanism of the disposition of power-violence relations. This article will expand knowledge on the issue of violence and outline possible ways to resolve conflicts and minimize violence in modern conditions of tension at the level of social and international relations.

Keywords: R. Girard, M. Foucault, violence, power, mimesis, sacrifice crisis, new "anatomy" of power

For citation: Kurachinskaya D.S. (2024) The mimetic nature of power and violence in the philosophy of R. Girard and M. Foucault // *Metamorphosis*. Vol. 8. N. 3. P. 26-36.